

УДК 821.161

**МАРИНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕКСТАХ
И СВЕРХТЕКСТАХ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Новикова М. А.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: lilivelilaeva@yandex.ru**

В работе исследуются морские мотивы в европейских текстах разного типа: от священных сверткестов (античные мифы, Библия) до литературных и литературно-публицистических текстов Нового времени (травелог, эссе, юмореска, элегический пейзаж, баллада и др.). Используются разные стратегии их анализа. Выделены их универсальные и специфические (этно-, хроно-) аспекты. Намечены перспективы их дальнейшего изучения. Определено, что географическое положение Великобритании предопределяет доминантность маринистических мотивов в британских текстах. Анализ английских и шотландских антологий свидетельствует об обратном: морские мотивы безусловно есть, но доминантными их назвать нельзя. Установлено, что объяснить это можно спецификой морских плаваний: в основном они были каботажными. А большие моря ассоциировались с символикой неизвестного, неизведанного, нечеловеческого, чужого, Хаоса. Установлено, что наиболее часто к маринистической символике обращаются поэты XIX в. (например, С. Кольридж «Сказание старого морехода», Дж. Гордон Байрон «Паломничество Чайльда Гарольда», Чарльз А. Суинбёрн «Всемогущество времени»). Анализ поэтических текстов подтвердил многозначность и многофункциональность маринистических мотивов. Определено, что морские реалии могут трансформироваться в символы, мифологемы и мифемы.

Ключевые слова: маринистические мотивы, тексты и сверткесты, литература, публицистика, жанры, концепты, методы анализа, универсальные и этно-/хроноспецифические аспекты.

Прелиминарии. Морские (маринистические) мотивы как существенный элемент картины мира публицистических, литературных, фольклорных и даже священных текстов и сверткестов знакомы европейской культуре от седой архаики вплоть до Нового и новейшего времени. В этом смысле маринистика актуальна для филологии в той же мере, в какой мировой океан и все иные водные источники были и будут актуальны для человеческой жизнедеятельности. (См. развитие этой идеи на материале «морского» творчества от византийских богословов-риторов II-IV веков [2] до поэтов XX века, например, Сен-Жон Перса [12].).

Естественно, при таком диапазоне авторов возникает вопрос: насколько велика новизна предлагаемой темы? История вопроса показывает, что новизна эта велика

именно благодаря многовековому бытованию маринистических мотивов в мировой и европейской словесности. Оно породило дискуссии и очертило лакуны. Среди наименее исчерпанных проблем литературной маринистики назовём методы её исследования, соотношение в ней универсального и специфического, жанровую парадигму её текстов. Некоторые из этих проблем (конечно, в первом приближении) поставлены в нашей статье.

Маринистические мотивы в британском фольклоре. Первый источник любой национальной картины мира – национальный фольклор. Для Великобритании он представлен двумя традициями: кельтской (шотландской, уэльской (валлийской)) и германской (английской). Какое место занимает в этих традициях море и его аллоформы?

Великобритания – островное государство. Его берега омываются несколькими морями и Атлантическим океаном. Одна только Шотландия насчитывает 163 больших и малых острова.

Море для британцев – не даль, а близь. Даже по железной дороге от любой британской станции до морского побережья можно добраться менее, чем за сутки. Всё это должно было бы привести к тому, что маринистические мотивы сделаются в британском фольклоре доминантными.

Однако обзор антологий английской и шотландской поэзии (прежде всего антологий наиболее авторитетных, предназначенных для дидактических целей – для университетов и колледжей [24, 26, 29]) показывает другое. Морские мотивы, если судить по этим изданиям, в британском фольклоре безусловно присутствуют. Но столь же безусловно не доминируют – ни статистически (общее число маринистических текстов; их частотность по жанрам (баллада, песня, прорицание, заклинание)), ни функционально (далеко не везде эти мотивы являются сюжетообразующими, т.е. ядерными).

Как правило, море (океан) возникают в британских фольклорных текстах в британском виде композиционной и сюжетной рамки. Посылка (вариант: отъезд) за море образует *зачин* текста и *завязку* текстового сюжета. Возвращение из-за моря

домой (негативные варианты: невозвращение; известие о гибели героя/героев; пропажа их без вести) составляет *финал* текста и *развязку* сюжета.

Доказательством именно такой – не доминантной – роли моря-океана в фольклоре служат *названия* фольклорных текстов. Если эти тексты сюжетны (песня, баллада, прорицания), названия им даются чаще всего по имени *главного персонажа* (вариант: главного места действия). Как раз этот персонаж (или это место действия) редко бывают непосредственно связаны с морем (океаном). Названия типа «Сэр Патрик Спенс» (знаменитый корабельщик, капитан корабля [26, р. 62-63]), или «Жених-призрак» (герой уплывает живым, а приплывает назад к невесте призраком, на призрачном корабле [26, с. 56-59]) – являются скорее исключением. Самый известный из западноевропейских маринистических сюжетов Нового времени, «Летучий голландец», возник достаточно поздно: в эпоху великих географических открытий (как и сюжеты о встрече корабля с морскими чудовищами, о проклятых кораблях или роковых корабельных грузах, и т.п.).

Прагматическое объяснение указанной *маргинальности* маринистических образов и мотивов в фольклоре морской державы можно объяснить спецификой морских плаваний у древних народов. Плаванья очень долго были каботажными. Суда (лодки, затем корабли) двигались неподалёку от берега, по заметным ориентирам на суше (мысам, устьям рек и т.д.). Для отдыха и пополнения запасов использовались заливы и бухты. Поэтому «большие», открытые моря воспринимались как символы пространства неведомого, нечеловеческого, в пределе – как царство Хаоса. С Хаосом же или невозможно договориться вообще, или договориться можно, но очень дорогой ценой, вплоть до человеческих жертв. Такими жертвами могли стать персонажи или максимально отрицательные (преступники, нарушители клятвы, убийцы, люди, продавшие себя злым силам), или максимально положительные (невинные девушки, отважные герои, святые подвижники). Лишь эти вторые в состоянии пересечь границу иномирия, не бесполезно погибнув, а примирив с ним упорядоченный, этичный мир.

Не более архаической стадии жёстко полярная картина в мифах народов мира отсутствует. Антимир воспринимался лишь как другое пространство. В некоторых

сюжетах оно гораздо худшее, в некоторых гораздо более благоприятное, чем пространство «своё». Если герой-человек в этом ином пространстве «заморья» остаётся, ему традиционно помогают вещи, слуги, героини из иномирия. В крайнем случае, если иномирие отпускает его назад, в человеческий мир, то с ценными/волшебными дарами. Так происходит, например, с героем в шотландской балладе «Правдивый Томас», опирающейся на биографию реального эрла (графа) Эрсилдунского Томаса Лермонта [26, р. 223-226].

Аллоформами «моря-океана» в британской фольклорной картине мира выступают (по убывающей частотности) 1) реки, ручьи; 2) родники, колодцы; 3) озёра; 4) болота (только в негативном плане). Разумеется, все эти водные топосы были отмеченными, символичными в культурном обиходе данной земли и её обитателей.

Эта тенденция отчётливо прослеживается в последующей книжной поэзии. Особенно регулярно используют фольклорную маринистическую символику британские поэты-романтики XIX века (а также поэты пред- и постромантического периодов). Ни британский XVII век, ни британский XVIII век, поэзия Просвещения, Классицизма или Сентиментализма, – не создали ничего равного по маринистической выразительности поэмам С. Кольриджа «Сказание старого морехода» (*The Tale of Old Mariner*, 1797-99), Дж. Гордона Байрона «Паломничество Чайльда Гарольда» (*Child Harold's Pilgrimage*, 1812) и тем более не разрабатывали целую «морскую метафизику», как это делал Чарльз А. Суинбёрн в поэме «Всемогущество времени» (*The Triumph of Time*, 1866). Впервые после Средневековья и Ренессанса (морские мотивы в пьесах В. Шекспира) море обретает у романтиков Великобритании свою самостоятельную символику, философию и даже мистику. Во многом этому способствуют маринистические мотивы шотландского и английского фольклора.

К настоящему времени существуют уже словари морской терминологии в разных профессиональных областях (кораблестроение, рыболовство, военное дело, картография и т.д. [14]). Не созданы ещё специальные словари морской образности,

символики, мифологии. Соответствующие данные включены в общие энциклопедии и глоссарии.

Обратимся к наиболее универсальным маринистическим концептам и их языковой репрезентации. При анализе морского лексикона нами были выявлены 15 базисных концептов. Они представляют три смысловые группы: 1) водные поверхности; 2) водные источники; 3) водные границы и/или зоны контакта. На языке символики эти три группы могут быть представлены как символы: 1) своего/чужого мира (иномирия); 2) центра/периферии; 3) границы/контакта [7, с. 318].

У концепта *море* [22, с. 654] самое древнее значение, вероятно, – болото, водный участок. В древнепрусском языке пароним моря – «залив», в древневерхненемецком – «лужа», в древнерусском – «озеро (большое)». Присутствуют паронимы «моря» также в украинском и белорусском, болгарском и словацком, иранском и санскрите, в древнефризском, моравском и многих иных индоевропейских языках.

Океан [22, с. 128] произошел из греческого «океаноса». Тот мог означать и «море», и «океан». Отсюда, быть может, пошло устойчивое фольклорное словосочетание «море-океан». По-древнерусски слово «океан» впервые фиксируется на письме в «Изборнике» Святослава (1073) как перевод из Экзарха Иоанна. У греков это слово знакомо уже Гомеру и Гесиоду.

Для дальнейшего анализа морской/водяной семантики возьмём энциклопедии [5, с. 406-407, 435-436; 13, с. 485-486; 21, с. 249-250; 32, pp. 126, 127, 186, 235, 361, 860, 1015, 1135, 1258, 1313, 1348, 1442, 1658]. Из методов исследования используем методы мифокритики, анализ структурно-семантический («полевой»), реального комментирования, реконструктивный.

Отметим сразу же знаменательный факт. Слово и концепт «море» являются базисными, т.е. присутствуют в лексиконе всех индоевропейских народов [22, 32]. Этого нельзя сказать о словах и концептах «озеро» или «океан». И ещё одна интересная деталь. Паронимически – «море» во многих (хотя не во всех) названных языках связано со словом и концептом «смерть» (ср. «мор», «mortal» и т.п.).

Структурно – все концепты имеют свои 1) *ядерные*, 2) *периферийные* и 3) *маргинальные* значения. К значениям ядерным относим все значения, более или

менее универсальные как исторически, так и этнически [24]. К значениям периферийным, наоборот, отнесены все значения, исторически и/или этнически специфичные. Маргинальными можно считать все значения индивидуально-авторские и/или единично-текстовые.

Концепт *океан* трактовался древними как океан «мировой»: некие планетарные воды вообще, «Божьи воды» (формула Ф. Тютчева), первоматерия и первостихия всего сущего без начала и конца [18, с. 142-143]. Океан – еще Хаос, чем и противостоит Морю – уже Космосу [21, с. 249]. Он включает в себя 1) значения «сырого материала» Бытия; 2) начала Творения, Космоса; 3) потопа, «конца света»; 4) Океан выступает как хранитель этих стихийных, хаотичных сил, даже в мире норм, «лада», порядка; 5) оттого он вечный антоним (а в некоторых мифосюжетах – прямой враг) Земли и Человека. 6) С другой стороны, Океан – всеобщий прародитель.

Хотя по-гречески Океан – «беспредельный», в мифах он становится границей. Как всякая граница, он не только разделяет, но и объединяет. Оттого нередко Океан делается супругом богинь или нимф, воплощающих Землю, «дочерей Земли». Этот «династический» брак между враждующими царствами умиротворяет их вражду и приносит «миру мир».

В античной мифологии выделяются несколько десятков действующих лиц, группирующихся вокруг «моря-океана» [15, с. 351-354]. Они повторяют свойства его характера: буйного, изменчивого, опасного, но и завораживающего. Английский поэт Джон Китс, наследник классической традиции, так характеризует «стихию влаги»: «<...> зашумит царь-море, / Восстать велит ручьёв и рек дружине, / Взъерится, – но, лазурь не переспоря, / Как ни мрачнеет, остаётся сине». (См. Приложение № 3. Перевод иллюстративных примеров здесь и далее выполнен М.А. Новиковой).

Античные греки и римляне, жители Средиземноморья, создали (в современных исторических терминах) «гидроцивилизацию». Однако не только далёкий океан, но и ближнее море, Pontus Euxinus [18, с. 1089], было осмыслено ими гораздо слабее, чем суша: родные острова и полуострова. До 660-х годов до н.э.: начала колонизации «варварского» побережья гераклеийскими, милетскими и другими эллинскими переселенцами, – будущее Чёрное море именовалось «Морем Негостеприимным».

Имелись в виду зимние бури, туманы и штормы. Затем наладилось т.н. каботажное плавание вдоль берегов. После этого море начали именовать «Гостеприимным». Однако и позже древние греки плохо знали, даже его общую форму и действительную величину. Форму Понта Эвксиноса сравнивали с луком; Малую Азию – с его тетивой, а Таврический полуостров – с вершиной дуги. Западная часть моря была якобы длиннее по вертикали, с Юга на Север, нежели по горизонтали, с Запада на Восток. Море это считали почти «закрытым». Азовское море, Меотиду, представляли не морем, а озером. Потому Чёрное море носило у Геродота название, которое давали не водным протокам, а истокам: «мать морей».

Подобная картографическая неразработанность резко контрастирует с тщательной «прорисовкой» суши у тех же греков. Не для Понта-моря, а для Понта-одноименной области Малой Азии отмечены точные границы: соседние земли, пограничные реки, горы, морские побережья. Указаны главные вершины и хребты; мысы, реки и крупные ручьи; племена и царства, которым этот Понт когда-либо подчинялся (Персия, Каппадокия, Рим). Маркированы важнейшие города и знаменитые храмы [18, с. 1088-89; по трудам греческих ученых, от Гесиода до Страбона].

Аналогичная тщательная маркировка приморской зоны сохранится в европейской традиции до наших дней. Так, при описании 13 островов современной Шотландии в книге известного путешественника, ученого и публициста Х. Хасвелл-Смитта отмечены те же достопримечательности: мысы, проливы, бухты; интересные ландшафты; после них – памятники старины и культуры. Сегодня вербальное «картографирование» моря и суши уже равновелики и равноценны [25, pp. 2-5, 481-485].

Резюмируя наш комментарий маринистических реалий у древних людей и у наших современников, выделим реалии с наибольшим мифопоэтическим потенциалом. Таковы, как правило, места наиболее *анормативные*. Анормативность действует на коллективное сознание даже сильнее, чем прагматическая польза (или вред) данного объекта. Скажем, существуют два шотландских острова: один – довольно обширный (Анст), другой – крошечный (прибрежный утёс Альса). Ни тот,

ни другой не сыграли никакой особой роли ни для истории Шотландии, ни для её экономики. Но внешняя необычность островов сделала их обоих «действующими лицами», причем «лицами» титульными, попавшими в названия двух текстов у двоих известных писателей: уже упоминавшегося поэта Джона Китса (сонет «Утёс Альса») и прозаика Роберта Льюиса Стивенсона (роман «Остров сокровищ»).

Для не-морской Палестины (библейских стран Иудеи и Израиля) «море» как концепт означало по сути любую большую воду: озера, реки, внутриматериковые водоёмы [5, с. 485; Исх. XXI, 1, Иер. I.1.36]. Пророк Исайя называл «морем» даже дельту Нила. Кроме того, «море» служило маркером одной из сторон света – Запада. Отдельно же в Библии различались и упоминались лишь немногие моря: 1) *Средиземное* (Числ. XXXIV,6; Зах. XIV, 8 и др.); 2) *Адриатическое* (Деян. XXVII, 27 и др.); 3) *Красное* (Чёрное) – залив Индийского океана (Числ. XI, 31, Исх. X, 19 и др.); 4) *Мёртвое* – впадина на месте городов Содома, Гоморры и др. (Быт. XIV, 3; Нав. XII и др.); 5) *Тивериадское* (Галилейское) – в сущности, озеро (Иоан. VI, 13 Числ. XXXIV, 11 и др.); 5) *Египетское* море – уже упомянутая нильская дельта.

Как символ море концептуализировалось ещё более слабо и мало вариативно. От текстов Двуречья библейское море унаследовало семантику иномирия, чаще всего враждебного: обители чудовищ, арены Потопа. Однако параллельно через мировую символику воды (вдвойне актуальную для пустынь Ближнего Востока) море стало в Библии одним из символов жизненной энергии, рождения или возрождения.

Византийские христианские писатели, перенимая эту символику в своих проповедях и песнопениях, заострили в морской символике этический элемент. Море стало бездной греха, пучиной зла, опасностью уклонения от правого пути [9, с. 239; 12, с. 364-366]. Таковым оно останется от апостольских Посланий (I-II вв.) до молитвенных канонов Отцов Церкви (IV-IX вв. н.э.).

Маринистические образы и сюжеты проповедников Византии могли почти совпадать с аналогичными образами и сюжетами в старорусских текстах: проповедях и «виршах нравоучительных» XVI-XVII вв. На это обращал внимание ещё Ф.И. Буслаев [7, с. 122-124]. Тем не менее перед нами не прямая цитата, а особая христианская этика смирения и вытекающая из неё эстетика формульности и

повторяемости. Море создаёт Бог; первичные, «матричные» тексты о море создают святые учителя и пророки. Их преемники не создают, а лишь выбирают к месту и варьируют формулы Библии и Церкви [1, с. 9-10].

Скажем, византийская вариативность у «вечных» библейских мотивов моря состоит в том, что, помимо унаследованной метафизической символики моря как «злочлчений житейских», византийцы отбирают и укрупняют, усиливают символику моря – политических страстей, а корабля – государства. Есть у них и индивидуальные вариации. Море Василия Кесарийского – «это буря, ветры», жизнь, «полная боли и опасностей <...>». Море же Иоанна Златоуста – это более гармонизированное «соединение бури и тишины, зла и его преодоления» [12, с. 364-366].

Морские мотивы, т.о., объединяют разные аспекты своего содержания: коллективные и индивидуальные, универсальные и специфические. Синтез и контраст этих начал хорошо иллюстрирует англосаксонская поэма середины Средневековья (X-XI вв.) «Мореплаватель» (см. Приложение № 2).

Универсальны в ней мотивы моря как могущественной стихии, как жестоких испытаний человека, как места его гибели. Иными словами, на символической карте тогдашнего человека (вероятнее всего, викинга и – вплоть до финала – язычника) море символизирует пространство 1) безусловно чужое (иномирие); 2) пограничное (во многих смыслах, и прежде всего как граница между жизнью и смертью); 3) негативное (это источник скорбей и опасностей); 4) не вступающее с Человеком в одушевлённый контакт – ни прямо (оно, Море, не представлено как отдельный персонаж), ни косвенно (за него не выступают его персонификации: божества, нимфы, духи, «морские цари» и т.п.).

Здесь Море входит в картину мира языческую, но не собственно архаическую. Оно живёт в порубежную эпоху – языческого заката и христианского «утра». В этом и заключается его хроноспецифичность.

Отражается такая специфика и на взаимоотношениях этого Моря с «Я»-персонажем: героем данного текста, Мореплавателем. Море – его противник, сюжетный и эмоциональный. Отчего же тогда Человек-Мореплаватель так тоскует

(по-видимому, на склоне лет) по своему вечному оппоненту? Изобилие состязательной, боевой лексики и образности подсказывает: «вечное соревнование» с Морем как раз и образует тоже вечный, притом главный сюжет и смысл жизни этого Героя-Человека. В отличие от героев Романтизма, Мореплаватель, герой Архаики, не «ищет бури» (по формуле М.Ю. Лермонтова). Скорее наоборот, это буря ищет его. Но вне такого вечного поединка, оборвать который может только смерть Человека, жизнь его лишена азарта, цели и смысла. Нельзя не видеть в этом переплетение эпически-универсального (героика личной встречи человека и стихии) и лирически-специфичного. Стихия уже лишена здесь первобытных антропоморфных черт. Зато Человек уже не переживает в настоящем, а лишь вспоминает былое состязание с Морем ностальгически-надрывно. Эта горечь утраченной героики породила в западноевропейской медиэвистике формулу «средневековая меланхолия».

От вопроса о семантике морских/водяных знаков мы переходим уже к вопросу об их сюжетной и жанровой роли. Иначе говоря, можно поставить вопрос: зачем нужно тексту определенного жанра такое, а не иное Море? Такая, а не иная Вода вообще? И кому они нужны?

Скажем, в шотландской балладе «Хозяйка Ключ-Колодца» [31, pp. 209-210, 223-226] повествуется о «богатой женщине», матери троих богатырей. Их она посылает «за море» и вскоре получает весть об их смерти. В ответ Хозяйка выкликает ветры на землю, штормы на море – вызывает от отчаяния Хаос. Чтобы он прекратился, Хозяйка требует у природы и судьбы возратить ей всех её сынов. (См. Приложение № 1).

Спрашивается: можно ли прочесть здешние «водяные» мотивы – не сугубо по-семейному? Думается, можно. Мать – Хозяйка не просто бытовой усадьбы, но всего водяного мира. Центр этого мира – Ключ-Колодец: волшебная Вода, текущая из «нижнего» иномирия. То же иномирие по горизонтали находится «за морем», куда Мать послала сыновей на инициацию. С миром живых иномирие связывает река. Берёзы, из которых сделан убор сыновей, метят вход в загробье. (Отсюда в быту древних славян возник обычай сажать берёзку на могиле). Выкликая бурю, «открывая двери» Хаосу, Мать, т.о., насильно приводит в свой Дом мертвецов.

Однако остаться с нею навсегда они не смогут. После «ночи мёртвых» (11 ноября, канун дня Св. Мартина, Martinmess), времени, когда покойники получают право выходить в мир живых, они возвратятся в могилу и в рай. На прощанье, обходя родную усадьбу, они тоже произносят заклятие: завещают девушкам-служанкам Матери хранить родовой очаг, «матушкин огонь».

Символика Воды сталкивается с символикой Огня; Колодец – с Очагом; Дом (и его семейная сердцевина – Постель, которую Мать стелет Сыновьям) – с Могилой, куда Сыновья уходят на заре навек.

В мире нормы, порядка, Космоса жизнь соседствует со смертью. Бунтуя против такого порядка, Мать ставит под угрозу весь мир живых. Так поступать нельзя. В этом и состоит жанровый «урок» баллады и особая жанровая функция здешнего Моря, здешнего Ручья (над которым растут берёзы), здешнего Колодца. В мире баллады все эти символы играют роль «испытания водой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) Целью нашей работы была, напомним, проверка гипотезы о многозначности и многофункциональности морских (или шире, водных) мотивов в фольклорных, литературных и/или публицистических текстах. Из этих свойств следует и многосюжетность/многожанровость текстовой реализации этих мотивов.

2) Гипотеза не только подтвердилась, но и открыла для исследователя новые интерпретационные возможности. Обнаружить их помог комплекс применённых аналитических стратегий: анализ этимологический, концептуальный, символический, мифопоэтический.

3) Чем ближе любой текст к фольклору и мифу, тем выразительней проступают сквозь его позднейшие, десакрализованные жанровые матрицы праосновы магических жанров. Они опираются, в свою очередь, на столь же магические функции. Содержание текста (включая его «морской»/ «водяной» аспект) при этом тем менее прагматично и тем более символично, чем более оно космологично.

4) Соответственно, морские/водяные реалии способны в таких условиях превращаться в символы, а символы – в мифологемы (для персонажей) и мифемы (для сюжетов).

Приложение 1. Баллада «Хозяйка Ключ-Колодца». «Как у Хозяйки Ключ-Колодца / три сына, три богатыря. / Она в дорогу их послала / за чужедальние моря / Едва недели две проходят / Как злая весть приходит к ней, / Худая весточка приходит: / убиты трое сыновей <...>» / «Пускай же ветры не уймутся, / Не успокоятся моря, / Пока домой душой и телом / Не воротятся сыновья <...>» / «Прощай, родная наша мать, / Амбар и хлев наш, и загон. / Прощайте, девушки-служанки, / Храните матушкин огонь!» .

Приложение 2. Джон Китс, «Утёс Альса», «Приморский исполин, услышь меня! / Откликнись пенным рокотом, громада! / Давно ли ты кроешь плечи в водопады, / Чело от солнца тучей заслоня? <...>» «Подводный сон подоблачным сменя, / Давно ль ты кроешь плечи в водопады? / Давно ль из лавы поднялся когда-то / И потянулся, мощный, к солнцу дня? <...>/ Две спящих вечности в тебе живёт: / Подножие китов – и вышина / Орлиная. Ты в корчах встал со дна. / Теперь – ничто тебя не сотрясёт».

Приложение 3. Джон Китс, «Лазурь». «<...> Лазурь! Дух влаги! Зашумит царь-море, / Восстать велит ручьёв и рек дружине, / Взъярится! – но лазурь не переспоря, Как ни мрачнеет, остаётся сине <...>».

Список литературы

1. Адрианова-Перетц, В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси [Текст] / В. П. Адрианова-Перетц. – М.-Л. : Наука, 1947. – 188 с.
2. Азадовский, М. К. Источники сказок Пушкина [Текст] / М. К. Азадовский // Временник Пушкинск. комиссии. – Вып. 1. – М.-Л., 1936.
3. Английская и шотландская народная баллада : Сборник. [Текст] / Сост. Л. М. Аринштейн. – М. : Радуга, 1988. – 512 с.
4. Андерс, А. Дистанция времени и перевод / Некоторые мысли и наблюдения [Текст] / А. Андерс // Мастерство перевода. – Вып. 5. – М. : Сов. писатель, 1965. – С. 122-124.

5. Библейская энциклопедия [Текст]. В 2-х кн. Кн. 1. А-М. – М. : Изд-во СПМСИ и др., 1990. – 494 с. [Далее сокр. БЭ]
6. Бонди, С. Сказки Пушкина [Текст] / С. Бонди // А.С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти тт. Т.3. М., 1960.
7. Буслаев, Ф. И. Сочинения [Текст] / Ф. И. Буслаев. – Т.2. – СПб., 1910. – 459 с.
8. Волков, Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки) [Текст] / Р. М. Волков // Ученые записки ЧТУ. – 1960. – Т. XLIV. Вып. 13. – 239 с.
9. Каждан, А. П. Византийская культура (X-XII вв.) [Текст] / А. П. Каждан. – М. : Наука, 1968. – 233 с.
10. Корабль [Текст] // БЭ, Кн. I. – С. 406-407.
11. Летучий голландец [Вагнер]. История создания. Сюжет [Текст] // 100 опер. Л.: Музыка, 1964. – 634 с.
12. Миллер, Т.А. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста. (Опыт сопоставительного анализа) [Текст] / Т. А. Миллер // Античность и современность. – М. : Наука, 1972. – С. 364-366.
13. Море [Текст] // БЭ, Кн. I. – С. 485-86.
14. Новикова, М. А. «Владычица морская» А.С. Пушкина: векторы интертекстуальности [Текст] / М. А. Новикова // Світова література на перехресті культур та цивілізацій, 2012. – С. 188-195.
15. Новикова, М.А. Проблемы индивидуального стиля в теории художественного перевода [Текст] : дис. ... докт. филол. наук 10.02.20 / М. А. Новикова. – Ленинград, 1980.
16. Новикова, М. А. Пушкинский космос. Языческая и христианская традиция в творчестве Пушкина [Текст] / М. А. Новикова. – М : Наследие, 1995. – 354 с.
17. Новикова, М.А., Шама, И.Н. Символика в художественном тексте: Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и их английских переводов) [Текст] / М.А. Новикова, И.Н. Шама. – Изд. 2-е, испр. – Запорожье : ООО «Акцент», 2013. – 172 с.

18. Реальный словарь классических древностей Любкеру [Текст] / Под ред. <...> Ф. Гельбеке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского, В. Карского, М. Каторги, П. Никитина. – М., 1885. – 1552 стлб.
19. Словарь иностранных слов [Текст] / Под ред. И.В. Лёхина и проф. Ф.Н. Петрова / Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Госиздат иностр. и нац. словарей, 1949.
20. Сумцов, Н. Ф. А.С. Пушкин. Исследования о поэзии А.С. Пушкина [Текст] / Н. Ф. Сумцов // Сб. в память А.С. Пушкина. – Харьков, 1890.
21. Топоров, В. Н. Океан мировой [Текст] / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Т.2. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 249-50.
22. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964-1973. – Т. 1-4. – Т.1. – 562 с.; Т.2. – 671 с.; Т. 3. – 827 с.; Т.4. – 855 с.
23. Хлебникова, И. Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка [Текст] / И. Б. Хлебникова. – М.: Высшая школа, 1996. – 156 с.
24. Цвет, Л. Я. Основы истории германских языков [Текст] / Л. Я. Цвет. – Тюмень: «Скорпион», 1998. – 128 с.
25. Haswell-Smith, Hamish The Scottish Isles. A comprehensive guide to every Scottish Island [Text] / H. Haswell-Smith. – Edinburgh; New York; Melbourne : Canon Gate, 2004. – 518 p.
26. Luca, de V.A. The Nineteenth Century [Text] / V. A. Luca // Poetry in English. An Anthology. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – P. 447-756.
27. Puhvel J. The Baltic Pantheon [Text] / J/ Puhvel // Baltic Literature and Linguistic. – Columbus, 1973.
28. Poetry in English. An Anthology [Text]. – N.-Y., Oxford : OUR, 1987. – 1196 pp.
29. Rowland, Beryl. The Middle Ages [Text] / B. Rowland // Poetry in English. An Anthology. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – P. 2-16.
30. Stone, Brian. Poems of Nativity [Text] / B. Stone // Medieval English Verse. –Penguin Books Ltd., 1977.
31. The Penguin book of Scottish Verse [Text] / Introduced and edited by Tom Scott. – Penguin Books Ltd., Middlesex, 1976. – 519 p.

32. Webster's New World Dictionary [Text]. – 11th ed. Cleveland and New York : the World Publishing Company, 1965. – 1724 pp.

References

1. Adrianova-Perets V. P. *Ocherki Poeticheskogo Stilya Drevnei Rusi* [Outlines of Poetical Style Of the Old Rus']. M.-L. : Nauka Publ., 1947. 188 p.
2. Azadovskii M. K. *Istochniki Skazok Pushkina* [Sources of Pushkin's Fairy-Tales]. *Vremennik Pushkinskoi. komissii*. No 1. M.-L. Publ., 1936.
3. *Angliiskaya i Shotlandskaya Narodnaya Ballada: Sbornik*. [English and Scottish Folk Ballade]. M.: Raduga Publ., 1988. 512 p.
4. Anders A. *Distantiya Vremeni i Perevod. Nekotorye Mysli i Nablyudeniya* [Distance of Time and Translation. Some Thoughts and Observations]. *Masterstvo Perevoda*. No 5. M.: Sovetskii Pisatel' Publ., 1965. Pp. 122-124.
5. *Bibleiskaya Entsiklopediya* [Bible's Encyclopedia]. In 2 vol. Vol. 1. M.: Izdatelstvo SPMSI Publ., 1990. 494 p.
6. Bondi S. *Skazki Pushkina* [Pushkin's Fairy-Tales]. Pushkin. Collected Works. T.3. M., 1960.
7. Buslaev F. I. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. S-Pb., 1910. 459 p.
8. Volkov R. M. *Narodnye Istoki Tvorchestva A. S. Pushkina (Ballady i Skazki)* [Folk Sources of Pushkin's Works (Ballades and Fairy-Tales)]. *Uchenye zapiski ChTU*. 1960. Vol. XLIV. No 13. 239 p.
9. Kazhdan A. P. *Vizantiiskaya Kul'tura (10th – 12th Vekov)* [Byzantine's Culture (10th – 12th centuries)]. M.: Nauka Publ., 1968. 233 p.
10. *Korabl'* [Ships]. BE, Kn. I. Pp. 406-407.
11. *Letuchii Gollandets [Vagner]. Istoriya Sozdaniya. Syuzhet* [Flying Dutchman [Vagner]. History of Creation. Plot]. *100 oper*. L.: Muzyka Publ., 1964. 634 p.
12. Miller T.A. *Obrazy Morya v Pis'makh Kappadokiitsev i Ioanna Zlatousta. (Opyt Sopostavitel'nogo Analiza)* [Image of the Sea in the Cappadocians' Letters and Ivan Chrysostom's Letters. (The Experience of Contrastive Analysis)]. *Antichnost' i sovremennost'*. M.: Nauka Publ., 1972. Pp. 364-366.

13. *More* [Sea] // ВЕ, Book 1. Pp. 485-86.
14. Novikova M. A. «*Vladychitsa Morskaya*» A. S. Pushkina: *Vektory Intertekstual'nosti* [A. S. Pushkin's *The Mistress of the Sea*: Vectors of Intertextuality]. *Svitova Literatura na Perekhresti Kul'tur ta Tsivilizatsii*, 2012. PpS. 188-195.
15. Novikova M. A. *Problemy Individual'nogo Stilya v Teorii Khudozhestvennogo Perevoda* [Problems of Individual Style in the Theory of Literary Translation. Thesis]. Leningrad, 1980.
16. Novikova M. A. *Pushkinskii Kosmos. Yazycheskaya i Khristianskaya Traditsiya v Tvorchestve Pushkina* [Pushkin's Space. Pagan and Christian Traditions in the Creative Works of Pushkin]. – M.: Nasledie Publ., 1995. 354 p.
17. Novikova M. A., Shama, I. N. *Simvolika v Khudozhestvennom Tekste: Simvolika Prostranstva (na Materiale «Veчерov na Khutore bliz Dikan'ki» N. V. Gogolya i ikh Angliiskikh Perevodov)* [Symbolism in Literary Text: Symbolism of Space (on the Material of *Veчерa na Khutore bliz' Dikan'ky*)]. Zaporozh'e : Aktsent Publ., 2013. 172 p.
18. *Real'nyi Slovar' Klassicheskikh Drevnostei Lyubkeru* [Lubker's Real Dictionary of Classical Antiquities]. M., 1885. 1552 stlb.
19. *Slovar' Inostrannykh Sloz* [Dictionary of Foreign Words]. M.: Gosizdat Inostrannykh i natsionalnykh Slozarei, 1949.
20. Sumtsov N. F. *A. S. Pushkin. Issledovaniya o Poezii A. S. Pushkina* [Pushkin. Investigations of A. S. Pushkin's Poetry]. Khar'kov, 1890.
21. Toporov V. N. *Okean Mirovoi* [World Ocean]. *Mify Narodov Mira*. Vol. 2. M.: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1991. Pp. 249-50.
22. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language]. – M.: Progress Publ., 1964-1973. – T. 1-4. – T.1. – 562 s.; T.2. – 671 s.; T. 3. – 827 s.; T.4. – 855 p.
23. Khlebnikova I. B. *Vvedenie v Germanskuyu Filologiyu i Istoriyu Angliiskogo Yazyka* [Intorduction to the German Philology and History of English Language]. M.: Vysshaya Shkola Publ., 1996. 156 p.

24. Tsvet L. Ya. *Osnovy Istorii Germanskikh Yazykov* [The Basics of History of German Languages]. Tyumen': Skorpion Publ., 1998. 128 p.
25. Haswell-Smith, Hamish *The Scottish Isles. A comprehensive guide to every Scottish Island* [Text] / H. Haswell-Smith. – Edinburgh; New York; Melbourne: Canon Gate, 2004. – 518 p.
26. Luca, de V.A. *The Nineteenth Century* [Text] / V. A. Luca // *Poetry in English. An Anthology*. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – P. 447-756.
27. Puhvel J. *The Baltic Pantheon* [Text] / J/ Puhvel // *Baltic Literature and Linguistic*. – Columbus, 1973.
28. *Poetry in English. An Anthology* [Text]. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – 1196 pp.
29. Rowland, Beryl. *The Middle Ages* [Text] / B. Rowland // *Poetry in English. An Anthology*. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – P. 2-16.
30. Stone, Brian. *Poems of Nativity* [Text] / B. Stone // *Medieval English Verse*. –Penguin Books Ltd., 1977.
31. *The Penguin book of Scottish Verse* [Text] / Introduced and edited by Tom Scott. – Penguin Books Ltd., Middlesex, 1976. – 519 p.
2. *Webster's New World Dictionary* [Text]. – 11th ed. Cleveland and New York: the World Publishing Company, 1965. – 1724 pp.

MARINE MOTIVES IN EUROPEAN TEXTS AND HYPERTEXTS (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Novikova M. A.

The paper deals with the marine motives in the texts/megatexts of different types, from sacramental (antique works, myths, the Bible) to literary/publicistic works of the New Age (travelogue, essay, humoristic sketch, elegy, ballad etc.). Diverse analytical strategies are exposed. Both integral and ethno/chronospecific elements have been demonstrated. Future investigation perspectives are outlined. It is revealed that geographical position of the UK determines dominant place of marine motives in British texts. The analysis of poetical works proves the contrary of the statement: marine motives are found, but they are not dominant. This fact can be explained by the specification of sailings: they were coastwise. And big seas associated with the symbolism of unknown, unexplored, not human being, strange, Chaos. The most popular marine motives were among poets of the 19th century (*The Tale of Old Mariner* by S. Coleridge, *Child Harold's Pilgrimage* by G. G. Byron, *The Triumph of Time* by A. Ch. A. Swinburne.). The analysis of poetical works confirmed multiple meaning and versatility of marine motives. It is revealed that marine actuals can transform to symbols, mythologems and mythems.

Keywords: Marine motives, texts and megatexts, literature, publicism, concepts, text genres, analytical strategies, universal and ethno/chronospecific elements.